

УДК 330.34, 330.35

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

© 2018 г. **И.М. Теняков***

На материалах книги Р. Гордона "Взлёт и падение американского экономического роста: жизненные стандарты" в США после Гражданской войны" [Gordon R. J., 2016] в данной статье раскрывается природа американской модели экономического роста и анализируются его источники, факторы и достижения, в том числе изменение качества жизненных стандартов населения. Систематизированы вызовы и ограничения, с которыми столкнулась американская модель экономического роста в начале XXI в. и сделаны прогнозы.

Ключевые слова: американская модель экономического роста, жизненные стандарты, производительность, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), экономическая политика.

"Век экономического роста"

В 2016 г. в США вышла интересная, оригинальная и своевременная книга известного американского экономиста Р. Гордона с интригующим названием "Взлёт и падение американского роста: жизненные стандарты в США после Гражданской войны". Автор обосновывает нелинейный характер экономического роста в США, темпы которого достигли максимума в середине XX века, а затем снизились, что противоречит представлениям об "устойчивом росте", укоренившимся в экономическом мышлении с середины 1950-х годов. Сам Гордон подчеркивает, что экономический рост – это не устойчивый, постепенный, столетие за столетием, процесс, создающий экономический прогресс, а феномен, характерный, прежде всего, для периода 1780–1970 гг. До 1770 г. роста практически не было, затем он происходил медленно и продолжался около столетия, и только в XX веке экономический рост набрал высокие темпы, которые после 1970-х годов снова замедлились.

Исследуя экономический рост в США, основное внимание Р. Гордон уделяет двойной роли домашнего хозяйства – как потребителя и как производителя.

* **ТЕНЯКОВ Иван Михайлович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46 (itenyakov@mail.ru).

В заглавии английской книги содержатся слова *standard of living*, которые на русский язык можно, конечно, перевести как "жизненные стандарты", но исторически устоявшимся является перевод "стандарт жизни", хотя в зависимости от контекста можно использовать "условия жизни" или "уровень жизни". – *Ред.*

Многие из традиционных тем американской экономической истории выходят за рамки работы Р. Гордона, например, финансовые бумы и крахи, монополизация экономики и развитие антимонопольного законодательства, "Прогрессивная эра" (1900-1917 гг.) и борьба профсоюзов. Также мало внимания уделено региональным различиям за исключением отдельных случаев. При этом в книге Р. Гордона повышенное внимание отведено тем аспектам качества жизни, которые не находят отражения в показателе ВВП, например, изменения в качестве питания, одежды, быте домашнего хозяйства.

Книга состоит из трёх частей. В первой части рассматриваются революционные достижения в уровне жизни, произошедшие до 1940 г., который выбран как год, делящий историю американского экономического роста на два периода. Во второй части рассматриваются изменения в уровне и качестве жизни с 1940 г. по настоящее время, при этом больше внимания уделяется тем изменениям, которые произошли в сферах развлечений, коммуникаций и информационных технологий. В третьей части раскрываются причины резкого повышения производительности в период 1920–1970 гг. по сравнению с более ранним и поздним периодами и систематизируются факторы, сдерживающие экономический рост в США в настоящее время. В заключение даны рекомендации для экономической политики, представляющиеся полезными для преодоления факторов, сдерживающих экономический рост в США.

Фактически монография Р. Гордона посвящена выявлению источников, факторов и ограничений американской модели экономического роста, которая начала формироваться после Гражданской войны в США, хотя термин "американская модель роста" автор не употребляет. В связи с актуализацией вопроса о поиске "новой модели роста" для российской экономики представляется уместным использовать термин "национальная модель экономического роста" применительно к другим странам, в данном случае – к США. Под национальной моделью экономического роста можно понимать "такой способ обеспечения динамики и качества национального продукта, который характеризуется использованием определённого набора факторов роста, тем или иным типом роста, спецификой источников финансирования, механизмов его генерирования, отраслевого распределения и др. Такая модель должна также учитывать действие всей совокупности национально-специфических факторов – как экономических (это, прежде всего, факторы производства), так и неэкономических (природно-климатических, географических, геополитических, социокультурных и иных)" [Кульков В.М. и др.]. Именно в таком системном ключе Р. Гордон и анализирует специфику американского экономического роста, выявляя ее возможности и ограничения.

Р. Гордон развивает три ключевых идеи. Первая из них состоит в том, что бурный рост с конца XIX века до 70-х годов XX века в США стал возможным благодаря набору "великих изобретений". Вторая идея сводится к тому, что с конца 1970-х годов рост был разочаровывающим. Прогресс в указанный период касался преимущественно узкой сферы человеческой деятельности, связанной с развлечениями, коммуникацией, сбором и обработкой информации. Что же касается повседневной жизни (еды, одежды, жилья, транспорта, охраны здоровья и условий труда) прогресс затормозился как качественно, так и

количественно, что нашло отражение в замедлении роста совокупной факторной производительности (СФП): по оценкам Р. Гордона, темпы роста СФП после 1970 г. едва достигали одной трети темпов роста СФП в период 1920–1970-х годов. Третья идея автора – взглянуть на экономический рост в США со стороны сдерживающих факторов, главным из которых, по мнению Р. Гордона, является рост неравенства, в результате которого с 1970-х годов все большая доля плодов американской модели роста достается лицам, находящимся на вершине пирамиды распределения доходов.

Рассмотрим теперь проблемы, поднимаемые Р. Гордоном, с точки зрения трёх высказанных идей.

Американская модель экономического роста

Рассматривая инновации, которые сопровождали наступление "века экономического роста" (1870–1970 гг.), Р. Гордон подчёркивает особую значимость изобретений, возникших именно в указанный период. Это, прежде всего, открытие и применение электричества в производстве и быту, которое изменило весь индустриальный ландшафт экономики. Так, создание небоскребов стало возможным благодаря электрическому лифту, что в свою очередь изменило характер застройки городов; электрические машины на производстве, пришедшие на смену огромным и тяжелым паровым котлам, многократно увеличили возможности для механизации человеческого труда; изменения на транспорте были примечательны тем, что достигли почти предела увеличения скорости передвижения, начиная с первых примитивных железных дорог, заменивших дилижансы в 1830-х годах, до самолетов "*Boeing 707*" (1958 г.), летающих со скоростью почти 1000 км в час. К числу ключевых изобретений, полностью изменивших быт домашних хозяйств в XX веке и сказавшихся на повышении качества жизни, Р. Гордон относит консервирование продуктов питания и замораживание пищи; развитие инфраструктуры торговли (городские универмаги, каталоги почтовых заказов); водопровод, который способствовал снижению распространения болезней, передающихся через воду; многие достижения в медицине (анестезия, развитие антисептической хирургии, рентген и др.) [Gordon R.J., 2016].

Уникальность "столетия экономического роста", по мнению Р. Гордона, заключалась не только в размахе изобретений, но и в скорости их внедрения в экономику и быт. Так, если в 1880 г. ещё ни в одном доме не было электрического освещения, то в 1940 г. в США были электрифицированы почти 100% городских жилищ. За это же время доля городских домов с водопроводом и канализацией достигла 94%, более 80% городских домов к 1940 г. имели внутренние туалеты, 73% – газ для отопления и приготовления пищи, 58% имели центральное отопление, а 56% – холодильники. Другими словами, если дом 1880 г. был изолирован от остального мира, то дома 1940 г. были включены в пять сетей – электрическую, газовую, телефонную, водопроводную и канализационную.

Применение указанных изобретений сказалось на соотношении между трудом и досугом, способствовало вовлечению женщин на рынок труда и при-

вело к ускоренной урбанизации: если в 1870 г. городское население составляло 24,9%, то к 1970 г. оно выросло до 73,7% [Gordon R.J., 2016].

Р. Гордон подчёркивает замедление темпов и масштабов инноваций (за отдельными исключениями) с 1970-х годов. Например, совершенствование телевизоров сделало огромные плоские цветные экраны высокой четкости современным стандартом, но не привело к исчезновению фильмов и замещению их чем-то принципиально новым. Наиболее заметными оказались достижения в области компьютеризации и развития связи (переход от стационарных телефонов к мобильным), но и они затронули достаточно ограниченную сферу человеческого опыта. Так, общие расходы на все электронные развлечения, коммуникации и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) составили в 2014 г. лишь 7% ВВП. За пределами сферы ИКТ прогресс был гораздо слабее. Не произошло существенных изменений в одежде, кухонное электрооборудование (за исключением микроволновки) было внедрено уже к 1970 г., а автомобили в 2015 г. выполняли те же функции, что и сто лет назад, хотя и с большими удобствами и безопасностью. Замедлился и прогресс в медицине, особенно по сравнению с периодом 1940–1970 годов.

Затрагивая проблему измерения экономического роста, Р. Гордон отмечает, что показатель реального ВВП на душу населения занижает оценку улучшения уровня жизни, поскольку не учитывает нерыночную деятельность, изменения в качестве товаров и услуг, качество труда и досуга, а индексы цен, используемые при расчёте реального ВВП, недоучитывают возникновение принципиально новых благ (например, домашние кондиционеры, впервые поступившие в продажу в 1951 г., стали учитываться при расчете индекса цен только в 1967 г.). Отметим, что Р. Гордон в этом отношении следует за рядом критиков показателя ВВП как традиционного измерителя экономического роста. Одними из первых обратили внимание на недостатки показателя ВВП ещё У. Нордхауз и Дж. Тобин [Nordhaus W. D., Tobin J. 1972]. В 2009 г. Комиссией Дж. Стиглица был выпущен отчет (в 2016 г. издан на русском языке [Стиглиц Д, Сен А., Фитусси Ж.-П., 2016]), в котором были подробно разобраны недостатки ВВП как макроэкономического показателя и предложена более широкая "панель индикаторов" для измерения результатов социального прогресса и качества жизни.

Несмотря на то что количественные макроэкономические показатели недостаточно отражают изменения в качестве жизни, тем не менее, они могут предоставить важную информацию, в том числе о производительности труда. Р. Гордон отмечает, что за период 1870–1920 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП на душу населения составляли 1,84%, рост реального ВВП на отработанный час был равен 1,79%, а количество отработанных часов на человека практически не изменилось. В период 1920–1970 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП выросли до 2,41%, ВВП на отработанный час – до 2,82%, а количество отработанных часов на человека, напротив, сокращалось в среднем на 0,41% в год. Показатели за последующий период (1970–2014 гг.) ухудшились не только по сравнению с предыдущими периодами: темпы роста реального ВВП упали до 1,77%, рост ВВП на отработанный час замедлился до

1,62%, а количество отработанных часов на человека снова начало увеличиваться в среднем на 0,15% в год [Gordon R. J., 2016].

Повышение количества отработанных часов в период 1870–1920 гг., по мнению Р. Гордона, явилось следствием двух тенденций: во-первых, умеренного снижения продолжительности рабочей недели для работников-горожан и, во-вторых, постепенного перехода занятых из сельской местности в города, где снижение количества отработанных часов на человека в период 1920–1970 гг. Р. Гордон объясняет действием ряда факторов. Во-первых, наблюдаемая тенденция являлась продолжением длительного тренда постепенного сокращения продолжительности рабочей недели, которая ещё к 1920 г. снизилась с 60 до 52 часов. Во-вторых, указанная тенденция отразила последствия политики "Нового курса" Ф. Рузвельта и активности профсоюзов, боровшихся в 1930-х годов за 8-часовой рабочий день и 40-часовую рабочую неделю. В-третьих, всплеск рождаемости в 1947–1964 гг. привёл к повышению доли населения в возрасте до 16 лет и снизил соотношение отработанных часов к общей численности населения. Наконец, в-четвёртых, имела место обратная связь между ростом производительности труда и сокращением рабочего времени: согласно стандартному подходу по мере роста реальных доходов население предпочитает увеличивать часы досуга, сокращая время, отдаваемое работе. Увеличение количества отработанных часов на одного человека после 1970 г. явилось следствием двух противодействующих факторов. В период 1970–1995 гг. часы работы в расчёте на одного человека выросли в результате активного вовлечения женщин на рынок труда. Но после 1996 г. количество отработанных часов на человека стало сокращаться вследствие снижения уровня участия в рабочей силе мужчин и молодёжи. После 2008 г. данная тенденция ещё более усилилась в результате выхода на пенсию старших членов поколения беби-бума 1950-х годов.

Исследуя вопрос о неравномерном росте производительности труда по трём вышеуказанным периодам, Р. Гордон выделяет три фактора, определяющих динамику производительности труда: уровень образования, "углубление капитала" (увеличение капиталовооруженности труда за счёт капитала более "высокого качества") и совокупную факторную производительность (СФП) – "остаток Солоу", который отражает воздействие на экономический рост инноваций и технологических изменений. Р. Гордон отмечает, что вклад образования и "углубления капитала" был примерно одинаковым во всех трёх периодах, но второй период отличался резким ростом вклада СФП в производительность труда.

Почему бурный рост СФП наблюдался лишь во втором из рассматриваемых периодов, хотя электрификация активно развивалась ещё с 1870-х годов? Р. Гордон ссылается на гипотезу П. Дэвида [David P. 1990], который объяснял замедленные последствия электрификации промышленности для производительности не только временем, которое требовалось для развития электроэнергетики, но также временем, которое должно было пройти, прежде чем цена электрической энергии заметно снизилась. Гипотеза Дэвида оказалась применима и к эпохе компьютеризации, когда темпы роста СФП заметно увеличились в 1996–2004 гг. по сравнению с периодом 1970-х – начала 1990-х годов.

Однако в отличие от периода 1920–1970-х годов, когда электрификация устойчиво повышала производительность труда, рост СФП в конце XX – начале XXI века оказался непродолжительным. Несмотря на увеличение численности ноутбуков, планшетов и смартфонов за десятилетие после 2004 г., показатели роста производительности труда вернулись к медленным темпам периода 1970–1996 гг. Следует также подчеркнуть, что рост производительности после 1920 г. зависел не только от электрификации, но и от автомобилизации, которая стала набирать темпы только с 1920-х годов. Подобно тому, как внедрение электрических лифтов содействовало многоэтажности и способствовало росту городов, растущая автомобилизация ускорила горизонтальную мобильность как в городах, так и в сельской местности, что сказалось на производительности труда, потому что увеличилась скорость перемещения работников.

При этом следует отметить неравномерность повышения производительности труда в период 1920–1970 гг.: пик роста пришёлся на 1940–1950 гг. Факторами этого "большого скачка" СФП, отмечает Р. Гордон, стали "Великая депрессия" и Вторая мировая война. "Великая депрессия" породила "Новый курс" Ф. Рузвельта, ускоривший развитие профсоюзного движения, повышение реальной заработной платы и сокращение продолжительности рабочей недели. В свою очередь, высокая реальная заработная плата и более короткая рабочая неделя стали факторами роста производительности: высокая реальная заработная плата стимулировала замещение труда капиталом, а более короткая рабочая неделя привела к снижению усталости работников и повышению эффективности их труда.

К росту производительности привёл и эффект "обучения на производстве", широко распространившийся в американской экономике во время Второй мировой войны. Уроки, полученные в ходе "военного производства", после окончания войны были перенесены в гражданский сектор. Кроме того, следует учитывать, что федеральное правительство профинансировало строительство новых заводов и приобретение нового производственного оборудования. Р. Гордон отмечает, что стоимость основных фондов, установленных во время войны, в реальном выражении равнялась почти половине стоимости оборудования, приобретённого частным сектором до 1941 г., при этом новые основные фонды были более производительными, чем прежнее оборудование. Р. Гордон подчёркивает, что экономисты часто увлекаются описанием беспрецедентного спада производства в ходе "Великой депрессии", и не учитывают, сколько инноваций произошло в течение десятилетия 1930-х гг. Он также указывает на тот факт, что обе мировые войны сильно задержали внедрение "великих инноваций" конца XIX века в Европе и Японии, так что в 1950 г. уровень производительности труда в Западной Европе был всё ещё в 2 раза ниже чем в США [Gordon R. J., 2016].

Переходя к анализу экономического роста в США после 1970 г., Р. Гордон доказывает, что в этот период произошло замедление технического прогресса. Он отмечает положительное влияние ИКТ на организацию рабочего места в офисах, на сектора розничной торговли, финансы и банковское дело, но подчёркивает, что основные изменения произошли ещё в 1980–1990-х годах. В конце 1990-х годов сформировалось уникальное сочетание факторов, кото-

рое способствовало краткосрочному взлёту производительности труда и СФП: рост производственных мощностей, увеличение коэффициента чистых инвестиций, резкое снижение цен на компьютеры в сочетании с их быстрорастущей производительностью. Однако после 2004 г. ситуация изменилась, и последние данные не дают оснований утверждать, что в ближайшее время возможно повторение "чуда" эпохи дот-комов 1990-х годов.

Р. Гордон подробно раскрывает, каким образом цифровая революция кардинально изменила работу офиса: если в 1970 г. требовалось множество клерков для работы на пишущих машинках, которые не "умели" загружать и хранить данные, и потому в каждом случае требовалась повторная печать любой документации, то к 2000 г. каждый офис был оснащён компьютерами, объединёнными в сеть, которые могли выполнять любую задачу по обработке текстов и любой тип вычислений с ошеломляющей скоростью, а также загружать и хранить разнообразные данные. К 2005 г. были внедрены плоские экраны и широкополосный доступ к Интернету. Но затем прогресс замедлился. Во всём мире оборудование, используемое в офисной работе, как и производительность офисных служащих, практически не отличается от того, что было десять лет назад. Распространение смартфонов и планшетов в последнее десятилетие не привело к повышению производительности. 90% служащих используют свои офисные компьютеры и смартфоны для посещения развлекательных веб-сайтов, ведения личной переписки или совершения онлайн-покупок. Характеризуя развитие электронной коммерции, Р. Гордон подчёркивает, что рост производительности в сфере розничной торговли под влиянием ИКТ также в основном произошёл десять лет назад. Хотя за период 2000–2014 гг. номинальные годовые продажи в сфере электронной торговли выросли в 11 раз, доля электронной торговли во всех розничных продажах в 2014 г. составляла лишь 6,4%, что недостаточно для того, чтобы повлиять на рост производительности во всём секторе розничной торговли и тем более – в экономике в целом. В отличие от производственной сферы, в домашнем хозяйстве изменений практически не было, так как основная бытовая техника была изобретена ещё к 1950-м годам (стиральная машина, холодильник, сушилка, посудомоечная машина, мусоропровод и т.д.). В последующий период помимо микроволновой печи самым важным изменением стал комфорт, обеспечиваемый кондиционером: к 2010 г. почти 70% жилых зданий в США были оснащены центральным кондиционированием. Остальные изменения в домашнем быту с 1965 г. были преимущественно связаны с развлечениями, связью и информацией: совершенствовалось качество изображения на экранах телевизоров и компьютеров, расширился доступ к информации благодаря подключению к сети Интернет, а также распространились смартфоны и портативные компьютеры [Gordon R.J., 2016].

Замедление экономического роста в 2000-х годах было связано и со снижением интенсивности так называемого "созидательного разрушения"^{*}. Р. Гордон отмечает тенденцию к сокращению доли "молодых" фирм (в возрасте пяти и

^{*} Этот термин в науку ввёл В. Зомбарт в 1913 г., а в 1943 г. его развил Й. Шумпетер. Поскольку исходным является английский термин *creative destruction*, более адекватным переводом является "творческое разрушение". – *Ред.*

менее лет), входящих на рынок: в 1978 г. она составляла 14,6%, а в 2011 г. снизилась до 8,3%, при том, что доля фирм, уходящих из бизнеса, оставалась примерно постоянной – на уровне 8–10%. Занятость, приходящаяся на фирмы не старше пяти лет, также сократилась с 19,2% в 1982 г. до 10,7% в 2011 г. [Gordon R.J., 2016]. При этом значительное снижение числа стартапов и быстрорастущих молодых фирм в высокотехнологичном секторе наблюдалось после 2000 г. Отметим, что в русле современной теории экономического роста, воспринявшей идею "созидательного разрушения" Й. Шумпетера, данные тенденции трактуются как замедляющие инновации и, следовательно, снижающие темпы экономического роста.

Другая тревожная тенденция в развитии американской экономики, на которую указывает Р. Гордон, это снижение соотношения чистых инвестиций к запасу частного капитала, которое с середины 1980-х годов упало ниже среднего значения за период 1950–2007 гг., составлявшего 3,2%. Фактически за весь период 1986–2013 гг. указанное соотношение превышало среднее значение только в 1999–2002 гг., то есть в период, характеризовавшийся краткосрочным взлётом производительности.

Наконец, если в 1996–2000 гг. наблюдались самые высокие темпы снижения цен в отрасли ИКТ, вызванные ростом производительности компьютеров, то в 2010–2014 гг. темпы их снижения едва достигали 1%. Вклад ИКТ в рост производительности труда замедлился с 0,52 проц. пункта в год в период 1995–2004 гг. до 0,19 проц. пункта в год в период 2004–2013 гг. [Cette G. Clerc C., Bresson L., 2015].

Раскрывая перспективы инновационного развития в будущем, Р. Гордон аргументирует тезис о том, что будущие инновации, среди которых выделяются четыре направления (медицина, малые роботы и 3D-печать, "большие данные" и транспортные средства без водителя) по своим экономическим последствиям окажутся гораздо менее значимыми, чем инновации Второй промышленной революции, связанные с электрификацией национальной экономики. Рост средней продолжительности жизни уже замедлился, а стоимость медицинских услуг выросла (широкое распространение получили психические заболевания); роботы всё ещё не в состоянии достичь той степени ловкости и гибкости в манипулировании предметами, которую может обеспечить человек, а 3D-печать, хотя и способна увеличить производительность, в целом не окажет влияния на массовое производство потребительских товаров в США. Рост объёма "больших данных" шёл по экспоненте и в течение предыдущих десятилетий, не вызывая ускорение роста СФП (за исключением краткого всплеска в конце 1990-х годов). Внедрение смартфонов не повысило темпы роста СФП. Развитие автомобилей без водителя мало что меняет в способе передвижения по сравнению с внедрением автомобиля как такового в XX веке, поскольку люди по-прежнему должны находиться в машине для того, чтобы попасть из пункта А в пункт Б.

Следует отметить, что вывод Р. Гордона о замедлении технического прогресса косвенно подтверждается рядом исследователей [Bloom N. Jones C., Van Reenen J., Webb M., 2017], которые на основании изучения большого массива данных пришли к выводу, что производительность исследований падает во

всех сферах, так как новые идеи становится всё труднее обнаружить. Для того чтобы поддержать темпы роста ВВП на душу населения США необходимо каждые 13 лет удваивать объём ресурсов, направляемых на НИОКР.

Исчерпание американской модели экономического роста

В последней главе третьей части монографии Р. Гордон раскрывает влияние шести групп факторов, или "встречных ветров", тормозящих экономический рост в США. Это – растущее неравенство, падение качества образования и человеческого капитала, негативные демографические тенденции, растущий государственный долг, глобализация и экологический фактор.

Ссылаясь на исследования Т. Пикетти [Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015] и Т. Пикетти и Е. Саеза [Piketty T., Saez E. 2003], Р. Гордон анализирует происходившие в США изменения в росте реальных доходов до уплаты налогов для верхней 10%-ной группы с наивысшими доходами и остальных 90% населения, раскрывая воздействие растущего неравенства на экономический рост. Оказывается, в период 1917–1948 гг. доходы верхнего дециля росли со среднегодовыми темпами 0,58%, доходы остальных 90% – с темпом 1,43%, а доходы общества в целом в среднем на 1,11%. В период 1948–1972 гг. рост ускорился для всех групп, при этом разрыв в темпах между верхним децилем и нижними 90% практически исчез: так, доходы верхнего дециля росли на 2,46% в год, остальных 90% – на 2,65% в год, в среднем же – на 2,58% в год. Период 1972–2013 гг. существенно отличается от предыдущего: темпы роста доходов дециля с наивысшими доходами составили 1,42% в год в среднем, в то время как доходы остальных 90% населения сокращались на 0,17% в год, в итоге темпы роста доходов в обществе в целом упали в среднем до 0,48%. При этом снижение доходов 90% населения ускорилось со второй половины 1990-х годов.

Какие причины вызвали такой кардинальный сдвиг в динамике доходов американцев? Р. Гордон называет следующие факторы: ослабление профсоюзов, рост импорта и иммиграции, автоматизация и снижение минимальной стоимости реальной заработной платы. Кроме того, следует учитывать, что заработная плата работников, обучавшихся в колледже, росла по сравнению с практически неизменным уровнем оплаты труда выпускников средних школ и работников с неполным средним образованием.

Обращаясь ко второму фактору торможения экономического роста, Р. Гордон отмечает наблюдаемое в последние годы снижение прогресса в образовании, подчёркивая, что американская система образования формирует студентов с низкими показателями успеваемости по сравнению с их сверстниками из других стран. Р. Гордон приводит данные международного теста среднего образования 2012 г., согласно которым американские школьники оказались на уровне ниже среднего по математике, и на среднем уровне по чтению и естествознанию¹. Снизилась доступность образования для малоимущих групп населения, а стоимость университетского образования выросла с 1972 г. более чем в 3 раза по

¹ Programme for International Student Assessment. Available at: <http://www.oecd.org/unitedstates/PISA-2012-results-US.pdf>

сравнению с общим уровнем инфляции. Финансирование высшего образования на региональном и местном уровнях с 2001 по 2012 г. снизилось в реальном выражении на треть. Выросла задолженность американцев за обучение, составляющая в настоящее время более 1,2 трлн долл. [Gordon R.J., 2016]. Усилилось неравенство в финансировании начального образования, которое зависит от поступлений налога на имущество: богатые районы предоставляют щедрые средства своим учащимся, в то время как в бедных районах зачастую наблюдается сокращение финансирования школ и даже их закрытие.

Демографический фактор торможения экономического роста в США связан с выходом на пенсию беби-бумеров. Снижается уровень участия в рабочей силе и растёт пенсионная нагрузка. Действие данного фактора усиливается четвертым фактором – растущим долговым бременем экономики США. Стабилизация долга потребует повышения налогов в будущем или замедления роста трансфертных выплат, что также окажет сдерживающее влияние на показатели располагаемого дохода.

Влияние сдерживающих экономический рост факторов глобализации и окружающей среды трудно отделить от воздействия других рассмотренных выше факторов. В период 2000–2007 гг. наблюдался максимальный эффект от переноса производственных мощностей из США в Китай, который привёл к росту импорта, увеличению торгового дефицита, сокращению рабочих мест. При этом пузырь на рынке недвижимости позволял экономике США расти, поскольку способствовал созданию новых рабочих мест в строительстве для работников, высвобожденных из других производств.

Наконец, последствия глобального потепления и природных катаклизмов (ураганы, засухи, наводнения) будут негативно сказываться на экономическом росте, разрушая инфраструктуру и приводя к увеличению страховых выплат. Налоги на выбросы углекислого газа и жёсткие экологические стандарты приведут к отвлечению инвестиций в повышение энергоэффективности, но такие инвестиции, по мнению Р. Гордона, не способствуют экономическому росту в отличие от таких инноваций начала XX века, как автомобилизация или распространение электрических холодильников.

Подводя итог влиянию всех шести сдерживающих факторов роста, Р. Гордон даёт прогноз будущих темпов роста душевого ВВП на период 2015–2040 гг. на уровне 0,8%, а темпов роста производительности труда – на уровне 1,2% [Gordon R. J., 2016]. При этом, на наш взгляд, Р. Гордон недооценивает ограниченность применяемых статистических показателей роста ВВП и производительности труда в эпоху цифровой экономики, хотя в первой части книги он подробно раскрывал изменения в качестве жизни американских домохозяйств, не сводимых к количественной оценке.

В этой связи следует сделать следующее уточнение. С одной стороны, достижения ИКТ и "цифровой экономики" способны существенно повысить качество и рабочего и свободного времени, при этом не находя отражения в статистических индикаторах. Традиционные количественные оценки ВВП следует дополнить индикаторами, оценивающими качество жизни. С другой стороны, если рассматривать экономический рост с позиций бизнеса, то пессимистические оценки Р. Гордона вполне оправданы. Для целей извлечения прибыли и накоп-

ления капитала не имеет значения вся неприбыльная деятельность (хотя она важна для качества жизни человека), а потому замедление темпов экономического роста и снижение производительности труда в традиционном измерении данных показателей означает сужение дальнейших возможностей накопления капитала в рамках сложившейся американской модели экономического роста.

В заключении книги Р. Гордон даёт рекомендации по стимулированию экономического роста в США. Это меры налоговой политики: введение прогрессивных ставок для лиц с наиболее высокими доходами; приведение ставок по налогу на дивиденды и прирост капитала к уровню ставок подоходного налога; налогообложение прироста стоимости финансовых активов, передаваемых по наследству; реформа системы налоговых вычетов; введение налога на выбросы углекислого газа. Это повышение минимальной заработной платы, смягчение уголовного законодательства (так как длительные сроки тюремного заключения негативно сказываются на дальнейших перспективах занятости после освобождения), а также легализация некоторых наркотиков, с их последующим налогообложением, что позволит увеличить доходы бюджета и снизить расходы на правоохранительную систему и суды. Последнее предложение Р. Гордона представляется крайне спорным, так как его реализация негативно скажется на качестве человеческого капитала населения США, что может перевесить положительный эффект, полученный от экономии бюджетных средств, и оказать сдерживающее влияние на экономический рост.

В сфере образования Р. Гордон предлагает повысить внимание к дошкольному образованию, перейти к финансированию школ из государственного бюджета, провести реформу системы образовательных кредитов (например, возмещать кредиты через повышенное подоходное налогообложение выпускников, при этом в периоды безработицы налог не взимать). Необходимо также смягчение практики лицензирования рабочих мест и снижение жёсткости патентной защиты и системы авторских прав. Меры в области иммиграционной политики, предлагаемые Р. Гордоном, включают переход к такому регулированию иммиграции, которое бы способствовало росту среднего уровня рабочей силы и её производительности. Это может быть предоставление вида на жительство иностранцам – выпускникам американских университетов или совершенствование системы показателей при оценке уровня образования и трудовых навыков потенциальных иммигрантов. Р. Гордон не считает предлагаемые меры панацеей, способной полностью нивелировать влияние негативных факторов на экономический рост. Их совокупный эффект может сказаться на повышении темпов роста душевого дохода на десятки доли процента, но, взятые вместе, предлагаемые меры, по мнению Р. Гордона, способствовали бы формированию общества большего равенства в доходах и образовании.

Следует отметить, что некоторые рекомендации Р. Гордона могут быть рассмотрены не только в контексте стимулирования роста в США, но и в русле российской проблематики. Так, неравенство является общим фактором и для США, и для России, а потому рекомендации Р. Гордона по смягчению неравенства могут рассматриваться и применительно к российской экономике. Рекомендации в сфере образования и миграции (в частности привлечение мигрантов только с высоким уровнем человеческого капитала) также вполне

справедливы и для России. В любом случае результаты исследования американской модели экономического роста, представленные Р. Гордоном в его монографии, крайне полезны для расширения наших знаний как об экономике США, так и о факторах и закономерностях экономического роста в целом. Пессимистический прогноз Р. Гордона является стимулом для дискуссии о перспективах современного экономического роста не только в США и мировой экономике, но и в экономике России.

Литература

Кульков В.М., Кайманаков С.В., Теняков И.М. Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2014, № 38, с. 9 – 19.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.

References

Bloom N., Jones C., Van Reenen J., Webb M. 2017. Are Ideas Getting Harder to Find? // NBER Working Paper No 23782 (September).

Cette G., Clerc C., Bresson L. 2015. Contribution of ICT Diffusion to Labour Productivity Growth: The United States, Canada, the Eurozone, and the United Kingdom, 1970–2013. // International Productivity Monitor, No. 28 (spring): pp. 81–88.

David P. 1990. The Dynamo and the Computer: An Historical Perspective on the Modern Productivity Paradox // American Economic Review Papers and Proceedings. 80, No. 2 (May), pp. 355–361.

Gordon R. J. The rise and fall of American growth: the U.S. standard of living since the Civil War. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016. – 762 p.

Kul'kov V.M., Kaimanakov S.V., Tenyakov I.M. 2014. Ekonomicheskiy rost v Rossii: natsional'naya model', kachestvo i bezopasnost' [The Economic Growth in Russia: a National Model, Quality and Security] // Natsionalnye interesy: priority I bezopasnost', № 38, pp. 9 – 19.

Nordhaus W. D., Tobin J. 1972. Is Growth Obsolete? // Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol. 5. Economic Growth. NBER.

Piketty T. 2015. Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow, Ad Marginem Press, p. 592.

Piketty T., Saez E. 2003. Income Inequality in the United States, 1913–1998. // Quarterly Journal of Economics, 118, No. 1 (February), pp. 1–39.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. 2016. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeyet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki I sotsial'nogo progressa [Falsely estimating our life: Why does GDP make no sense? Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, p. 216.

American Model of Economic Growth: from Past to Future

(USA ❖ Canada Journal 2018, no. 1, p.73-85)

Received: 25.09.2017

TENYAKOV Ivan Mikhailovich, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Department of Political Economy, 1, build. 46, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation (*itenyakov@mail.ru*).

Analyzing the book "The rise and fall of American growth: the U.S. standard of living since the Civil War" by R. Gordon and other publications in the article the nature of the American model of economic growth, its sources and factors are revealed; the achievements of economic growth in the US, their reflection in improving the quality of living standards of the population are comprehensively analyzed. The article systemizes the challenges and constraints faced by the US model of economic growth at the beginning of the 21st century and forecasts the future of economic growth in the United States.

Keywords: *American model of economic growth, standard of living, productivity, information and communication technologies (ICT), economic policy.*

About the author:

TENYAKOV Ivan Mikhailovich, Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor.